

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГОДЪ.

(1 мая 1902 — 1 мая 1903 г.).

Революционный годъ, закончившійся нынѣшнимъ майскимъ праздникомъ, принадлежитъ къ числу наиболее богатыхъ такими событиями, которыя не проходятъ бесслѣдно для рабочаго движенія.

Цѣлый рядъ грандіозныхъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ развернулся въ теченіи истекшаго года. Никуда еще за одинъ годъ не происходило столько такъ называемыхъ „генеральныхъ“ стачекъ — стачекъ, устраиваемыхъ пролетаріями цѣлой отрасли производства во всей странѣ или всѣхъ отраслей — въ одномъ районѣ.

Майский праздникъ прошлаго года справился пролетаріатомъ подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ крупной неудачи, только что понесенной бѣльгійскими рабочими во всеобщей стачкѣ апрѣля 1902 г., представлявшей одно изъ грандіозныхъ выступленій международнаго пролетаріата. Не успѣвъ замолкнуть толки о бѣльгійской всеобщей стачкѣ, устроенной для борьбы за всеобщее избирательное право, пѣтъ въ Швецію началось такое-же движеніе и въ той-же странѣ, на этотъ разъ утѣшавшееся частичными успѣхами. Съ этого момента болѣе или менѣе „всеобщія“ стачки смѣнились одна другою въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра.

Всеобщая стачка морскихъ рабочихъ, громадная стачка угольщиковъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи, стачка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Галліи, всеобщая стачка въ Женевѣ, ноябрьская стачка въ Ростовѣ и на Дону и его районѣ, январская стачка въ Голландіи, мартовская — та-же же, и наконецъ, генеральная стачка въ Римѣ — таковы итоги революционныхъ выступленій международнаго пролетаріата за послѣдній годъ, поскольку мы не выходимъ изъ сферы непосредственной экономической борьбы.

А составъ на дняхъ въ далекой Австраліи имѣла мѣсто всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

„Всеобщая стачка“ представляетъ довольно элементарное средство классовой борьбы пролетаріата и отнюдь не можетъ считаться тѣмъ единосоставнымъ средствомъ, каковымъ ее провозглашаютъ анархисты и не осознанные еще отъ цѣлѣнаціи социалісты въ разныхъ странахъ. Концентрируя всю боевую энергію революціоннаго пролетаріата въ эту именно сферу, гдѣ буржуазія неизмѣримо сильнѣе его, пролетаріатъ располагаетъ колоссальной матеріальной силѣй капиталъ, который отказъ отъ работы, предполагающей для своего успѣха такую степень организованности, которая недостижима при капитализмѣ, — такъ называемая, всеобщая стачка представляетъ методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ, крайне ограниченнаго на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массоваго движенія, расстраиваетъ большую его часть крайне непроизводительно.

Но если какъ средство борьбы за непосредственное освобожденіе пролетаріата или за увеличеніе его правъ въ современномъ обществѣ, всеобщая стачка является средствомъ неполноцѣнымъ, одностороннимъ и не экономичнымъ, то велико ея значеніе с точки зрѣнія политическаго, т. е. ея значеніе, какъ показателя растущей, концентрирующей и неудержимо проявляющейся революціонной энергіи класса, даущаго къ своему окончательному освобожденію. А то, такъ сказать, упрощеніе чувства классовой солидарности и революціоннаго самоотверженія, которое для широкой массы рабочихъ связано съ всеобщей стачкой, является хорошей школой дальнѣйшаго социалистическаго развитія этой массы.

Да, всеобщая стачка есть элементарное средство борьбы рабочаго класса, оказывающееся недостаточнымъ почти каждый разъ, когда стачкой въ данномъ актѣ борьбы является нечто хотя бы немного болѣе, чѣмъ интересъ капитала одной какой-либо группы буржуа. Какъ только стачка превышаетъ этотъ невысокій уровень, передъ объединеннымъ всеобщей стачкой пролетаріатомъ встаетъ „богъ капиталъ“ во всемъ своемъ величьи, во всей своей безднушности, беззастѣливости и безпринципности силѣй, буржуазное общество въ его цѣломъ, одавленное однимъ интересомъ — интересомъ чистогана, представляющее одну только цѣль самосохраненія и представляющее къ пролетаріату одно требованіе — требованіе покорности. И вотъ почему тѣ грандіозные конфликты труда съ капиталомъ, которые именуются всеобщими стачками, пріобрѣтаютъ громадное значеніе, разоблачая истинный характеръ буржуазнаго общества.

Это разоблаченіе становится тѣмъ поучительнѣе, и тѣмъ плодотворнѣе оно дѣйствуетъ на классовое самосознаніе пролетаріата, чѣмъ болѣе резко противорѣчатъ разоблачаемые факты тѣмъ идеямъ, которыя въ предшествующій періодъ съ особенной силой работали надъ затѣмненіемъ пролетарскаго сознанія. Вѣдь извѣстно, что именно послѣдніе годы отличались по истинѣ необуданнымъ распространѣніемъ идей о такъ называемомъ „социальномъ мирѣ“ между нациями и немущими, который якобы подготовляется совершающимся якобы „притушеніемъ“ противоборѣ, характеризующихъ капиталистическое общество. Опираясь на эти многообещающіе факты, характерныя не для всего историческаго развитія, а только для тѣхъ его моментовъ, когда промышленность находится въ періодъ процвѣтанія, новѣйшіе апостолы „соціального мира“ похоронили классовую „догму“ о постоянномъ развитіи социальныхъ противоборствъ и о непримиримости классовыхъ интересовъ въ современномъ обществѣ, объявили социальное освобожденіе пролетаріата возможнымъ безъ потрясенія самаго основнаго буржуазнаго строя, провозгласили, что при демократическомъ режимѣ формы пролетарской борьбы могутъ „смягчаться“ въ виду якобы распространяющихся при такомъ стрѣе среди насъ „нашихъ“ признанія за рабочимъ движениемъ права на существованіе. Съ наступленіемъ промышленнаго кризиса въ карточные домики, построенные пролетаріатами „соціального мира“ и ихъ легковѣрными

послѣдователями изъ числа социалистическихъ оппортунистовъ, мгновенно развалились, и капиталистическій строй вновь представъ во всемъ своемъ великолѣпіи. О томъ, какъ демократическія страны идутъ на встрѣчу „социальному миру“ — поощаляя пролетаріату солдатскія ружья, выставивъ противъ стачечниковъ демократическую государственную власть Франціи и Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Исключительные законы въ Голландіи и подкапанные грубыми классовыми интересами драконскіе судебные приговоры въ Бельгіи и Женевѣ показали еще разъ, какое реальное значеніе имѣетъ для классоваго движенія пролетаріата демократизація государственной власти. При рукоприкладствѣхъ болѣе части буржуазии голландскіе государственные дѣятели провозгласили и провели въ жизнь принципъ, согласно которому право стачекъ касается тамъ, гдѣ затрагиваются существенные интересы буржуазіи въ ея цѣломъ, и этотъ принципъ былъ тотчасъ-же перенесенъ на германскую почву въ рѣши прусскаго министра въ Англіи — этой прославленной всѣми социаль-реформаторами и оппортунистами странъ „соціального мира“ — преимуществу — въ Англіи противъ судебными рѣшеніями въ предположеніи отнимается право пропаганды стачки и на нихъ-же возлагается ответственность за убытки, причиненные капиталистамъ стачками. ... Волею-же на „дѣйствительной“ почвѣ Австраліи демократіи всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ побуждаетъ правительство внести въ парламентъ проектъ по истинѣ „кажущагося“ закона противъ стачекъ. Оказывается, что пока современный социальный строй — несмотря на политическій прогрессъ — обезпечиваетъ классовую диктатуру буржуазіи, до тѣхъ поръ всѣ отнесенныя пролетаріатомъ у буржуазіи политическія, политич., всѣ свободы и права каждую минуту могутъ быть отняты обратно: что только революціонная организациа и революціонный отпоръ пролетаріата являются гарантіями сохраненія этихъ правъ. Пролетаріатъ видитъ, что въ современномъ капиталистическомъ обществѣ право „экономической борьбы“ признается за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не воспользуется этимъ правомъ для нанесенія буржуазіи сильныхъ ударовъ. И вотъ почему демократическая свобода, далекая отъ того, чтобы смягчать классовые конфликты, напротивъ, доводитъ ихъ до наиболее остраго выраженія, по сколько съ бывшей въ глаза яркостью констатируетъ незначительность пролетарскаго безправія передъ классомъ — дѣйствительной буржуазіи. И вотъ почему „социальный миръ“ — это вредная и пустая фраза, а грозной дѣйствительностью является „война на живыхъ и смерти“.

Право на стачку является основнымъ условіемъ сколько нибудь успѣшной экономической борьбы пролетаріата. Таковы же основныя условія для борьбы политической является избирательное право. Много слышали мы въ послѣдніе годы (особенно во Франціи) сказокъ о томъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ для пролетаріата пропадаетъ необходимость готовиться къ завоеванію классовой диктатуры, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ за пролетаріатомъ обезпечена возможность достаточнаго и все растущаго вліянія на государственную машину. Истинную цѣль всѣмъ этимъ сказкамъ мы могли опредѣлить въ прошломъ году, когда германскій пролетаріатъ воспользовался своимъ избирательнымъ правомъ для того, чтобы дать рѣшительное сраженіе аграрной реакціи, предпринявшей оппортунистическій набѣгъ на карманы всѣй бѣдной части населенія. Стоило только всеобщему избирательному праву оказаться дѣйствительно серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ пролетаріата, зашищавшаго интересы культуры и всѣхъ трудящихся, — чтобы въ Германіи былъ поставленъ на очередь вопросъ объ уравниденіи этого права, объ отнятіи политическихъ правъ у немущихъ, о водвореніи пролетаріата за прѣдѣлы буржуазной „демократіи“. Германскій пролетаріатъ долженъ былъ убѣдиться, что охраной его политическихъ правъ въ современномъ стрѣе является только его готовность дать революціонный отпоръ всякой реакціонной попыткѣ, а эта готовность къ успѣшной оборонительной войнѣ прямо пропорціональна его готовности къ войнѣ наступательной, къ борьбѣ за государственную власть, къ борьбѣ за социальную революцію. Буржуазное общество до тѣхъ поръ только допускаетъ участіе пролетаріата въ своей государственной власти, пока это участіе не затрагиваетъ основныхъ интересовъ руководящихъ въ современномъ обществѣ политическихъ силъ. За этими прѣдѣлами никакая „демократія“ не можетъ удержать представителей буржуазнаго общества отъ перенесенія борьбы на „дѣмократическую“ почву, гдѣ рѣшится сила.

Перипетии борьбы германскаго пролетаріата противъ таможнаго законопроекта показали также, какъ хитривши въ свободныхъ странахъ надежды на измѣненіе взаимныхъ отношеній между социалистической и либеральной, т. е. между пролетарской и буржуазной демократіей. Эти надежды, составлявшія центральныя пункты политики социалистическихъ оппортунистовъ, снова посрамлены повѣдѣніемъ нѣмецкой буржуазной демократіи въ такомъ именно вопросѣ, гдѣ дѣло шло не специально о классовыхъ интересахъ пролетаріата, а объ интересахъ всѣй демократической части націи, гдѣ, съидеологично, буржуазно-демократическая партія могла бы, въ поставивъ интересы своихъ буржуазныхъ избирателей, вести политическую борьбу противъ реакціи рядомъ съ пролетаріатомъ. На дѣлѣ, за выключеніемъ ничтожной кучки либераловъ, группировавшихся около Барта, нѣмцыне „свободомыслящіе“ всѣхъ сторонъ борьбы социалистовъ и кончили тѣмъ, что предали ихъ. Поставленныя между партій реакціи и партій пролетарской революціи буржуазные демократы еще разъ проявили свою политическую безхарактерность, свою неспособность отстаивать дѣло свободы, отстаивать тѣ самые идеалы, которые нѣкогда были провозглашены ихъ отцами. Дѣло за-

щиты интересовъ культуры, интересовъ громаднаго большинства народа цѣлкомъ падаетъ на революціонный пролетаріатъ.

Въ Бельгіи либералы навѣяютъ движению въ пользу избирательной реформы въ тотъ именно моментъ, когда имъ помощи, обещанная пролетаріату, могла бы быть полезной, и когда обещаніе дѣло — борьба противъ клерикальнаго врага — оказывается проиграннымъ въслѣдствіе ихъ измѣны, они же малодушно предаются ярости побѣдителей борцовъ рабочаго класса. Въ Голландіи либералы почти въ полномъ составѣ участвуютъ въ травлѣ стачечниковъ-рабочихъ, помогаютъ проводить исключительные законы, кричатъ: „расни его“ капиталистамъ, увольняющимъ тысячами „своихъ“ наемныхъ рабовъ. Въ Англіи либералы навѣяютъ тротуаристамъ, когда послѣдніе требуютъ огражденія правъ стачки. Въ Женевѣ „радикальное“ правительство высладе военную силу противъ забастовщиковъ. Вездѣ та же картина.

Вездѣ организованный пролетаріатъ въ борьбѣ за интересы своего класса противостоитъ всему буржуазному обществу, которое, не смотря на раздирающія его внутреннія разногласія, является единымъ, когда затронуты существенные интересы частной собственности. „Классъ противъ класса“ — таково, въ концѣ концовъ, положеніе вещей въ современномъ европейскомъ государствѣ, чѣмъ, чѣмъ свободнѣе, тѣмъ демократичнѣе его форма, тѣмъ рѣзче въ извѣстный моментъ выступаетъ этотъ основной фактъ современной жизни. И переломъ логикой этого факта, какъ карточные домики, разлетаются всѣ построенныя оппортунистами, утѣшительныя социализма буржуазныхъ „пророковъ“. Берлинская имперія разрушается грубой капиталистической дѣйствительностью, и она — этотъ лучший учитель — проясняетъ пролетарское самосознаніе и его революціонную рѣшительность.

Боязнь, принятая рабочему движению бывающаго еще недавно въ полномъ разгарѣ оппортунистическаго „кризиса“, понемногу испаряется. Сильный ударъ наноситъ оппортунизму бѣльгійскому урокомъ всеобщей стачки; германскій пролетаріатъ снова переживаетъ пережитъ революціоннаго подъема: идея неумолимой классовой борьбы принимается въ швейцарскіи социализмъ; недавно еще „реформистская“ въ большей своей части итальянская рабочая партія постановляетъ, наконецъ, разорвать компромитирующую связь съ буржуазнымъ правительствомъ, а французскій „соціалистическій“ пролетаріатъ все тѣснѣе сближается со своимъ революціонно-социалистическимъ партіи, предоставляя Миллерану и Йорсану ту среду лавочниковъ, которой интересы они въ сущности представляютъ. И не менѣе глубокая „размечка“ быстро происходитъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ всѣ силы пролетарскаго движенія все рѣзче тѣснѣе становятся подъ знамя революціонной „марксистской“ социалдемократіи, въ то время, какъ социализмъ оппортунистическій, вопреки своему злоупотребленію революціонной фразой, все яснѣе разоблачаетъ свою сущность, сущность мелкобуржуазнаго „демократизма“.

Русскій революціонерамъ приходится вести отчаянную, неслыханную борьбу за введеніе въ Россію тѣхъ конституціонныхъ учрежденій, которыя существуютъ въ Западной Европѣ и которыя, какъ мы упоминали, отнюдь не являются факторами, „смягчающимъ“ классовую противоборѣ и классовую борьбу. Русскій пролетаріатъ беретъ на свои плечи всю тяжесть борьбы за демократію, хорошо зная, что демократическій режимъ не облегчитъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ основнхъ „устоевъ“ современного общества, которые вырываютъ все болѣе глубокую пропасть между немущими и имущими, между пролетаріатомъ и собственниками. Когда въ зап.-европейскихъ странахъ вѣдась борьба за основныя демократическія вольности, тогдашние революціонеры глубоко вѣрили въ то, что демократія создастъ дѣйствительное „равенство“, что она положитъ конецъ классовому гнету и классовой борьбѣ. Эта вѣра наполняла энтузіазмомъ сердца тогдашнихъ борцовъ, она сдѣлала тогдашнихъ демократовъ революціонерами по духу, она дала выходящихъ изъ буржуазіи ту идейную и моральную силу, которая позволила имъ увлечь за собой всѣ живые элементы народа, которая сплотила весь народъ въ революціонный армію.

Революционеры современной Россіи лишены этой наивной вѣры европейскхъ людей недавняго прошлаго. Современныя русскіе революціонеры извѣстно то, что оставалось закрытымъ для ихъ историческихъ предшественниковъ. Они знаютъ, что сверженіе „старого порядка“ будетъ не концомъ, а всего лишь прологомъ великой социальной борьбы; что демократія не уничтожитъ, а, наоборотъ, разовьетъ до конца классовую противоборѣ нашего общества.

Старая иллюзія невозможности въ наши дни; онѣ и не нужны революціонному пролетаріату, ибо тамъ, гдѣ онъ ихъ раздѣлялъ въ извѣстную эпоху, ему много стало освобожденіе отъ ихъ чужероднаго влѣянія. Чтобы бороться всѣми своими силами за демократію, пролетаріатъ отнюдь не долженъ видѣть въ ней конечную цѣль своихъ стремленій; съ неимѣнной страстностью будетъ онъ за нее бороться, если будетъ считать ее ближайшимъ этапомъ на пути къ своему полному освобожденію. Но другіе социальные слои, заинтересованные въ демократическомъ „переворотѣ“, находятъ въ немъ положеніе, ихъ классовые интересы будутъ вѣроятно удовлетворены болѣе или менѣе полной демократизаціей политическихъ формъ современного социальнаго строя. Дальнѣйшее общественное развитіе несетъ этотъ слои успѣхъ или социальнаго значенія, и они не могутъ связывать свои идеалы съ этимъ развитіемъ. Для этихъ демократическихъ слоевъ, поэтому, борьба за политическую свободу не можетъ не оканчиваться мыслью о томъ, „что же дальше?“ Въ свойственномъ каждому борющемуся классу инстинктивнымъ стремленіи достигнута максимума революціон-

наго напруження представителі цих слось страстно хва-
таються за всякую представляющую им возможность со-
здать себе ту иллюзию, которая 50 или 100 лѣтъ назадъ
спяала арміи революціонныхъ бовновъ на Западѣ.

В короткое время мы пережили целый ряд таких попыток со стороны русской демократии выработать такую политическую «формулу» своего движения к свободе, которая устранила бы этот проклятый для нее вопрос: — «что же дальше?» В бернштейнианств пыталась снова возвести на перл создания политический строй раннего канталистского строя, «смягчающий» классовую противоречия и устранивший классовую борьбу. В новейшем же, «идеалистическом» ее представители ищут такой идеологии, которая бы осватила либеральную свободу, как «самоцель» и принимала бы значение революционных требований социализма... В «революционном авантюризме» крайнее крыло этой демократии ищет таких форм политической борьбы, которая ослабила бы ее связь с классовыми задачами пролетариата.

Тщетны все эти попытки бороться со объективным ходом вещей, перемещающим центр русской революции в среду именно пролетарского движения. С силой революционной стихии движение русского пролетариата разрушает старья и не дает сложиться новым иллюзиям демократии: в виду обожженной классовой борьбы во свободных странах Европы чахнут, не успев расцвести, все побег новых демократических идеологий. Революционно-централизирующая сила всех демократических пародей оказывается ничтожной, и всякая идеологическая борьба против революционного социализма, не создавая новых революционных центров, только ослабляет общенациональное движение против царизма. Быстро свершается все равнение русское берсерьерство, посылая среди известной части рабочих смена „дегализаторских“ стремлений, культивируемых ниль польской реакцией, а в политической жизни растворившись в угнетенной, неспособной к борьбе либеральна. Быстро вянет и блекнет революционная фанза, и временный его успех ничем не отражается на общей борьбе с царизмом, кровь посланного такж и самг скептицизма, кровь достигнутой кое-где дезорганизации боевых сил революции. И новшенье „малаялистическое“ движение не успевает еще оформиться, как уже лавно для всех, несомненно, видят, что оно является продолжением либерального реформизма и не имеет никакой ценности. Русский революционер нашего времени не может провост свой антиный протест против существующего режима, становясь под знамя борьбы с революционным социализмом. Поскольку он сам не становится социалистом, он может остаться борцом, лишь приняв над собой гегемонию пролетарского движения. Только следуя за революционным пролетариатом, русская демократия может успешно работать над совершением ненавистного царизма. Понимание этой истины, несомненно, проникает в широкие круги демократической интеллигенции до мфре того, как мучает и прожвдет свое зрьство русское рабочее движение.

Истории революционной борьбы, а также и этого отношения не мало. Поэтомуго сошло на мѣсто избирать самое дикое, дикое, преступное изъ въсвѣхъ развитіи самостоятельныхъ движеніи студенческаго, обнаруживающаго бѣснныя террористическія по неоправданной оппозиціи, повѣвшее революціонное крестьянство. Только революціонный пролетаріатъ шелъ по восходящей линіи, постепенно усоряя темпъ своего движенія, въправѣи и Саратовѣ процессъ доброй совѣсти въ Россіи на Д. Февральскіи и мартовскіи демонстраціи — показали, что революціонность пролетаріата неустоимо растетъ даже въ такомъ сравнительнаго политическаго затмѣніи. Растетъ и организационность его авангара — русской социалдемократіи. Выступъ съ расширеніемъ агитаціи и распространеніемъ ея на все новыи слои пролетаріата, шла весьма интенсивная внутренняя организационная работа, которой удалось уже сдѣлать много для упорядоченія партіи и усиленія ея политическаго вліянія въ обществѣ, заведомо зависящаго отъ трудящихся массъ этой важной работы, объединеніи въ Россіи всѣхъ Соц. Дем. Рабочая Партія во главѣ руководимыхъ ею народныхъ массъ повѣдетъ всесторонній и планомерный походъ на твердою самодержавію.

Русская демократия за последние только годы испытала не мало политических «увлечений», из результатов которых остался осадок разочарования. Только пролетариат не обманул ничьих революционных надежд. Содействовать успеху его движения — дело простого политического расчета всех тех, кому дорога политическая свобода. Бороться на его érdekében — единственный исход для революционера, желающего неразрывно связать борьбу настоящего с высшими идеалами человечества.

ТАРТЮФЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОРАЛИ.

Ст. поинтересовался, так ли называемые «партии» так называемых социал-демократов-революционеров? В нашем революционном движении зашло такое же революционное декламаторство и фразеологизм, чуждое лучшим временам нашего движения. Русские революционеры, как будто бы перестали *создавать* фразы, как будто бы научились отлагать нахальство, сорвать глубинный, чуждый им порыв к напыщенности, к вычурности, к неискренности. Какое же тогда дело с фразой? Фразы, как и в старину, есть, но фразы, которые так дорочна нам, ушедшим, зато от них и не осталось политическое наследие! И как мысленно, как помысленно их полагать? То, что первый раз в истории было трагедией, во второй раз оказывается фарсом!

Герой политической драмы неслыхан нравственны в глубочайшем смысле слова, он неслыхан неслыханно говорить нравственно восток. Герой фразы *работает* «интересные» разговоры. Он подобен Гиббсовскому термину.

«Когда о чести в высокой говорить.
Каким-то демоном внушаем;
Глаза в крови, лицо горит,
Самь плачешь, и мы всё рыдаем,*
конечно, кроме тех, кто смеется.

[illegible]

[illegible]

Мѣст. Паричи Могилев. губ. Съ осени 1902 г рабочее движение захватывает и наше глухое мѣстечко. Начинаются стачки ре-

